

Прот. С.А. Соллертинский

Научно-дидактическая постановка
вопроса о религиозном обучении

Опубликовано:
Христианское чтение. 1883. № 7-8. С. 226-245.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Научно-дидактическая постановка вопроса о религіозномъ обученіи.

(Речь, произнесенная 12 іюня текущаго года въ залѣ собранія С.-Петербургской дух. академіи приватъ-доцентомъ С. А. Соллертинскимъ предъ публичною защитою диссертациіи подъ заглавіемъ: «Дидактическое значеніе свящ. исторіи въ кругѣ элементарнаго образованія».)

Такъ какъ всѣ результаты, къ которымъ я пришелъ въ своей диссертациіи, изложены въ представленныхъ мною тезисахъ настолько полно и опредѣлительно, что по нимъ можно судить о содержаніи моей книги и не читавшему ея, то въ настоящія минуты мнѣ остается лишь указать на тѣ *общія* подкладки, которыя лежатъ въ послѣдней основѣ составленнаго мною изслѣдованія.

Если всякое философическое изслѣдованіе нынѣшняго времени такъ или иначе должно считаться съ И. Кантомъ; то въ общемъ подобно этому всякое дидактическое изслѣдованіе, начиная съ XVII в., непремѣннѣе обязано имѣть счеты съ Амосомъ Коменскимъ. Ему принадлежитъ открытіе, которое не повидимому только полагаетъ начало совсѣмъ иной противъ прежняго дидактикѣ. Всѣмъ извѣстенъ тотъ абстрактизмъ, въ который почему-то вдругъ и круто ударилось обученіе, и по которому за *начатки* напр. ариѳметики были приняты отвлеченныя понятія объ этой наукѣ, о числѣ и свойственныхъ ему операціяхъ и т. д. и т. д. Явленіе весьма странное, если сообразить, что оно возникло въ то время, когда люди наименѣе были способны къ свободному обращенію съ отвлеченными величинами; что указанныя мудренныя вещи завѣдомо предназначались для пуждавшихся въ пищѣ *млекоподобной*; что эти

мудрости наконецъ легко замѣнялись нагляднѣйшими матеріалами, которыхъ въдобавокъ искать было не нужно — они именно были вытѣснены матеріалами абстрактными. А между тѣмъ крутой поворотъ, о которомъ говорю, есть безспорный фактъ и становится еще болѣе выпуклымъ въ виду такихъ подробностей, что древніе напр. англичане лучше соглашались растянуть срокъ элементарнаго обученія буквально на 20 лѣтъ, чѣмъ переимѣнить новое на то старое, гдѣ вмѣсто отвлеченнаго понятія пяти стояла конкретнѣйшая человѣческая рука съ пальцами. Однако, не говоря о глубокой причинѣ этого явленія, обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что въ этихъ отвлеченныхъ начаткахъ содержатся основы наукъ, и каждая, будучи само по себѣ тѣмъ же человѣческимъ мышленіемъ какъ и остальные, въ то же время существенно отличается отъ нихъ, ибо предметъ у нея — своя (въдобавокъ иногда не прямо замѣтная) отрасль бытія, пріемъ изслѣдованія — свой, коренныя понятія — свои, языкъ наконецъ — свой. И если съ теоретической стороны усвоеніе всего этого хорошо ориентировало въ познаніи уже научномъ; то съ практической точки зрѣнія усвоеніе всего этого давало возможность сокращеннаго или общаго познанія и освобождало отъ тяжелой необходимости знать каждый отдѣльный экземпляръ верблюда, напр. выдумывать для каждаго отдѣльнаго экземпляра отдѣльное названіе и помнить его. Поэтому, открывши возможность общаго познанія чрезъ понятія, дошедши до этого путемъ долгихъ лѣтъ и усилій, люди естественно, инстинктивно вознамѣрились передать эти возможности дальнѣйшимъ поколѣніямъ, отъучить ихъ отъ познанія грубосенсуалистическаго и пріучить къ научному. Отсюда и рѣшительное уклоненіе въ абстрактизмъ. — Само собою разумѣется, что дѣти не оказались прямо способными къ воспринятію отвлеченныхъ началъ сообщавшихся наукъ. Отсюда единственнымъ средствомъ для достиженія цѣли (очевидно такъ важной) представлялась чисто механическая память, въолачиванье извѣстъ съ неизбѣжными своими подспорьемъ — карательной системой. Благодаря отчасти этому, а больше всего само-

произвольному усилю дѣтей, въ нихъ мало по малу наслѣдственно накоплялась способность и къ научному познанію. Этотъ-то именно переворотъ и замѣтилъ Коменскій, притомъ не отрывочно какъ нибудь, а во всей цѣлости. Онъ открылъ, что приемы сокращеннаго познанія уже не нуждаются во вѣдреніи извнѣ, что для нихъ есть залоговъ въ самой дѣтской душѣ, они уже не прививокъ, а „сѣмя“ находящееся въ вѣдрахъ самого питомца; словомъ сказать—дѣтское познание изъ отправления искусственнаго превратилось въ отправление естественное.

Въ широкомъ смыслѣ (который захватываетъ и гносеологическую сторону дѣла) открытіе Коменскаго ведетъ въ существенной перестройкѣ всей въ цѣломъ дидактической науки. Хотя и не съ самаго начала, но издавна и до сихъ поръ дидактика является званіемъ исключительно прикладнымъ, такимъ знаніемъ, или вѣрнѣе сказать—искусствомъ, которому нечего у себя изслѣдовать съ цѣлями чисто теоретическими, а нужно лишь помогать обученію малолѣтнихъ—отыскивать средства, при которыхъ бы успѣшнѣе и легче дѣти могли усвоить нужныя свѣденія. Теперь, что касается до простыхъ возможностей; то конечно всякую науку возможно обратить въ исключительно-прикладную, и достаточно лишь припомнить, что даже такая наука, какъ напр. астрономія, въ свое время обязывалась давать только указанія способствующія житейскому благополучію человѣка. Но когда рѣчь идетъ не о томъ чему есть простая возможность, а о томъ чему есть *законное право*; то прикладною наука можетъ быть лишь въ томъ случаѣ: если предметъ, которымъ она занимается, въ своемъ существованіи всецѣло зависитъ отъ воли человѣка, и хочетъ послѣдній—предметъ существуетъ, не хочетъ, не находитъ нужнымъ—предмету остается ожидать болѣе благопріятныхъ для себя расположеній къ нему человѣка. Въ этомъ случаѣ человѣкъ вправѣ считать предметъ служебнымъ орудіемъ для своихъ личныхъ интересовъ; вправѣ за симъ главной своей задачей поставить съ одной стороны отысканіе въ себѣ самомъ такихъ потребностей, въ виду которыхъ ему было бы

прямо желательно непремѣнный предметъ; съ другой—отысканіе такихъ методовъ, благодаря которымъ предметъ дѣйствительно приносилъ бы пользы своему хозяину. Но когда такого положенія не имѣется, или оно было, но съ извѣстнаго времени отошло въ область исторіи; тогда возникаютъ уже другія точки зрѣнія и другія обязательства для человѣческаго ума. Такъ обр., пока дидактическое дѣло, которое называется обученіемъ, въ своемъ дѣйствительномъ существованіи всецѣло зависѣло отъ воли человѣка; задача о немъ по праву была исключительно прикладною. Но какъ скоро оно укрѣпилось и сдѣлалось инстинктомъ, удовлетворять которому человѣкъ хочетъ или не хочетъ все равно удовлетворяетъ — все равно учится; въ такомъ случаѣ оно есть уже не дѣло только, а бытіе. И этой своей принудительностію, по которой въ каждомъ здоровомъ человѣкѣ оно живетъ помимо его воли и какъ инстинктъ, оно доказываетъ, что въ немъ есть своя натура, свой объемъ, и свой собственный законъ. Отсюда было бы рѣшительно несправедливо перебрасываться въ противоположную крайность. Тѣ умы, которые занимаются спеціально обученіемъ, *должны* отыскивать побужденія и резоны, въ силу которыхъ удовлетвореніе инстинктивной потребности встрѣчало бы прямую готовность и въ доброй волѣ каждаго. Они *должны* находить и указывать какъ тѣ пункты, въ разсужденіи которыхъ человѣкъ можетъ воспользоваться обученіемъ для своего возвышенія; такъ и тѣ средства, благодаря которымъ обученіе въ силахъ оказаться наиболѣе благотворно и широко дѣйствующимъ на человѣка. По *прежде всего* они обязаны видѣть и самымъ дѣломъ показать, что предметъ, которымъ они занимаются, есть бытіе; и потому дидактическая задача ихъ есть задача прежде всего изслѣдательная, а не прикладная, какою она была до извѣстнаго времени. Говоря прямо и положительно — съ тѣхъ поръ, какъ возникъ переворотъ замѣченный Коменскимъ, предметомъ дидактическаго изслѣдованія становится то познаніе, которое въ отличіе отъ положительнаго (достигающаго матеріальныхъ результатовъ) назн-

вается освоительнымъ ориѣнтирующимъ. Дидактика обязана разслѣдовать а) природу и идею освоительнаго познанія, б) надлежалій объемъ освоительнаго познанія, в) естественный законъ этого познанія. Само собою разумѣется, что правомъ академическаго лекторства я былъ обязанъ къ послѣльному разсмотрѣнію этихъ трехъ пунктовъ; послѣ того какъ указанная постановка дидакт. науки сказалась мнѣ сама и безъ всякой предварительной догадки объ этомъ съ моей стороны. Само собою разумѣется, что тѣ положительные выводы, къ которымъ привело меня означенное разсмотрѣніе несомнѣнно отразились и на составленной мною книгѣ. Какъ отразились—это выяснится можетъ быть на диспутѣ, несомнѣнно выяснится въ послѣдующемъ, когда книга такъ или иначе дѣйствительно войдетъ въ сокровищницу русской дидактической литературы. А теперь позволяю себѣ сказать только то, что если бы книжка моя и не давала къ тому поводовъ; все-таки я бы считалъ своимъ долгомъ воспользоваться настоящимъ торжественнымъ случаемъ и заявить, что указанная мною постановка дидактической науки является чуть ли не превосходящей всякое сравненіе съ той господствующей дидактикой, которая занимается только однимъ методизированіемъ; въ питомцѣ не видитъ ничего, въ матеріалахъ обученія—все; войти въ союзъ съ высшимъ (ученымъ) слоемъ и его запросами отъ науки не хочетъ; а старается социальную поддержку имѣть для себя въ согласованіи съ запросами средняго общественнаго слоя; наконецъ въ результатѣ своего методизирования приходится съ одной стороны къ жалкому общему представленію объ элементарномъ познаваніи (отъ близкаго къ отдаленному и т. д.), съ другой къ такимъ открытіямъ, которыя всѣ до одного лишь повторяютъ то что тысячелѣтія тому назадъ было открыто обученіемъ освоеніемъ естественнымъ.

Въ прямо-практическомъ отношеніи открытіе Коменскаго сперва получаетъ выпуклый, обостренный видъ, такъ чтобы игнорировать его и не принимать къ свѣденію не представлялось никакой возможности. Этому послужили, каждый по своему, два выдаю-

щихся мыслителя. Дж. Локк идеаломъ обученія поставилъ образованіе джентльмена — т. е. показалъ, что благодаря перевороту происшедшему въ дѣтахъ изъ нихъ возможно образовать джентльменовъ въ смыслѣ людей, которые взаимно стихійныхъ страстей управляются и живутъ по интеллектуальному почину. Ж. Ж. Руссо въ живомъ (и многими принятомъ за чистую монету) примѣрѣ съ поразительной увлекательностію выразилъ ту мысль, что если бы при трактуемомъ переворотѣ мы совершенно обособили дѣтей отъ внѣшнихъ образующихъ вліяній, они бы только лишь еще лучше развились *изъ самихъ себя*. Засимъ положительное разрѣшеніе для себя открытіе Коменскаго находитъ въ Гербартовой теоріи „интересовъ“ обученія. Достопочтеннѣйшій ученый здѣсь поставилъ на видъ, что не только познаваніе вошло въ силу инстинкта; но это инстинктивное отправленіе сдѣлалось сложнымъ — въ одномъ случаѣ оно нудитъ дитя къ изслѣдованію отдѣльныхъ предметовъ, въ другомъ — причинныхъ связей, въ третьемъ — эстетическихъ отношеній, и т. д. Полное усвоеніе и послѣдовательное проведеніе означенной теоріи приводитъ къ тому, что цѣлей обученія нѣтъ нужды искать гдѣ либо внѣ самаго питомца, объемъ обученія опять правильнѣе всего опредѣляется прирожденнымъ содержаніемъ инстинкта любознательности; и намъ лишь нужно выяснять эти цѣли, исчерпать дѣтскіе интересы къ познанію, опредѣлить: естественную основу каждаго изъ этихъ интересовъ, удѣльную близость питомцу каждаго изъ нихъ сравнительно съ остальными, идею, т. е. правильный конецъ ихъ развитія, и средства (какъ матеріальныя, такъ и методическія), благодаря которымъ питаніе интересовъ возможно довести до правильного конца. Доктрина Гербарта очевидно не подлежитъ смерти даже и въ отдаленномъ будущемъ. Напротивъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше интересы будутъ укрѣпляться, расширяться въ своемъ содержаніи и тѣмъ освобождать отъ какаго бы то ни было эмпиризма въ дидактикѣ.

Одинъ изъ интересовъ любознательности (или что тоже одинъ изъ элементовъ входящихъ въ объемъ освоеннаго познанія) есть

религіозный. Что дѣтямъ онъ безмѣрно ближе всѣхъ остальныхъ интересовъ, исключая развѣ симпатическаго, по которому они входятъ въ судьбы и внутреннія состоянія другихъ личностей; для убѣжденія въ этомъ вовсе не требуется прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ—въ родѣ заключенія дѣтей въ обособленное помѣщеніе, къ какимъ прибѣгали древніе дидактологи съ цѣлями отличить прирожденное отъ неприрожденного. Достаточно лишь заговорить съ ними языкомъ разсказа о божественномъ. Засимъ, субъективная личная основа религіознаго интереса заключается не столько въ стремленіи людей къ совершенству—почему нѣкоторые философы хотѣли фактъ общей, проходящей чрезъ всю исторію, вѣры людей въ Бога протолковать какъ выраженную конкретнымъ языкомъ религіознаго чувства вѣру людей въ способность человѣка къ совершенству. Не столько основа эта лежитъ и въ стремленіи людей къ знанію—почему другіе философы брались утверждать, что религіозное чувство не имѣетъ соотвѣтственнаго предмета въ дѣйствительности, а держалось и считалось какъ бы за указующее на дѣйствительно существующій предметъ потому, что до времени оно хорошо замѣняло собою познаніе, къ которому человѣчество было еще не способно. Субъективная коренная основа религіознаго чувства и опредѣляемой имъ религіозной любознательности заключается въ чувствѣ почтенія, въ свойственной людямъ потребности почитать. Поэтому нѣтъ рѣшительно ни одного религіознаго явленія, въ которомъ бы не было означеннаго основнаго элемента; и если бы указали на встрѣчаемыя у дикарей явленія, гдѣ фетишистское божество подвергается ударамъ напр., то это объясняется отнюдь не отсутствіемъ чувства почтенія, а той узкой его матеріализаціей, о которой сказано будетъ ниже. Поэтому нѣтъ ни одного религіознаго явленія, въ которомъ бы не имѣлось на лицо смиренія человѣка къ почитаемому предмету. Поэтому нѣтъ ни одной религіи, которая бы могла обойтись безъ „культа“ безъ опредѣленія внутреннихъ и внѣшнихъ формъ богочтенія. Поэтому наконецъ не только указываемый элементъ религіознаго чувства

является во всѣхъ религіозныхъ явленіяхъ; тогда какъ о другихъ элементахъ того мы сказать не можемъ; но и стоять въ нихъ съ господствующимъ значеніемъ; такъ что напр. одинъ и тотъ же элементъ страха—если онъ занимаетъ главное положеніе, то ведетъ къ неправильнымъ представленіямъ о Богѣ, а кромѣ того дѣлаетъ саму религію не возвышающей, но подавляющей человѣка; между тѣмъ когда онъ входитъ въ религіозное какъ вторичный элементъ, опредѣляется чувствомъ почтенія и является какъ живое опасеніе прогнѣвать всевидящее существо; въ такомъ случаѣ отъ него происходитъ одно лишь доброе и благотворное. Въ виду этого намъ слѣдуетъ лишь дополнить пробѣлъ обычно допускаемый въ сужденіяхъ о законности религіознаго чувства, о чемъ, всякій знаетъ, идутъ споры и давно и во всѣхъ подходящихъ сферахъ, и въ дидактической, гдѣ отрицательное мнѣніе до сихъ поръ выражаетъ себя самымъ дѣломъ—отрицаніемъ религіознаго обученія, или связывающимся къ какимъ либо эмпирическимъ причинамъ (въ родѣ абстрактности догматическаго катехизиса, разноконфессіональности обучаемыхъ и т. д.), или старающимся въ живой постановкѣ дѣла отнять у религіознаго обученія въ глазахъ учениковъ вѣсь, важность, словомъ равноправность съ остальными школьными дисциплинами. Не допуская обычнаго пробѣла мы должны сказать, что если въ разсужденіи другихъ человѣческихъ чувствъ о законности ихъ мы судимъ прежде всего безъотносительно къ тому предмету, который они предполагаютъ; если о законности чувства любви напр. мы судимъ и должны судить безъотносительно къ тому предмету, который любится; то и о законности религіознаго чувства мы прежде всего должны судить по тому дѣйствию, какое оно производитъ на остальное въ душѣ, по благотворности или вредности тѣхъ вліяній, которыя оно производитъ на человѣка. Такимъ образомъ: чувство почтенія, лежащее въ корнѣ чувства религіознаго, само по себѣ вызываетъ въ насъ такое состояніе, въ которомъ всѣ лучшія силы нашей души напряжены до высшей степени, вниманіе заразъ возбуждается и непосредственно и актив-

ными усиліями нашей воли, осторожность наконецъ простирается даже на слова, жесты и всё вообще внѣшнія подробности нашего отношенія къ почитаемому предмету. Чувство почтенія создаетъ въ насъ такое состояніе, въ которомъ успѣваетъ обнаружиться вся свойственная намъ сила духа; и при этомъ, разъ испытавши эти моменты безпримѣсно, сплошь серьезнаго настроенія, мы не только привизываемся къ послѣднему своими симпатіями; но стараемся выразить психически ту же самую серьезность и въ отношеніяхъ своихъ ко всѣмъ остальнымъ предметамъ, во всемъ своемъ поведеніи. Отсюда понятно, какого именно либнія должны мы держаться по вопросу о законности религіознаго чувства, если прежде всего посмотримъ на субъективную основу этого чувства.

Далѣе о сторонѣ предметной. Чѣмъ опредѣляется тотъ предметъ, въ которомъ чувство почтенія находитъ полное и правильное свое удовлетвореніе; или что тоже—откуда возникаетъ идея о Богѣ. Оставляя въ сторонѣ чувство страха, которое въ естественныхъ религіяхъ нерѣдко, хотя и *не съ самаго начала*, опредѣляло предметъ почтенія; мы видимъ, что однимъ изъ такихъ опредѣлителей являлось чувство величія, по которому предметомъ почтенія было существо неизвѣданное, непостижимое, и сказывалось оно какъ предѣлъ человѣческому познанію. Нѣкоторыя изъ религіозныхъ явленій, съ коими слѣдуетъ конечно соображаться въ данномъ случаѣ, показываютъ намъ, что въ чувство почтенія къ непостижимому западали совсѣмъ недолжны подкладки—поскольку люди при представленіи о Богѣ не могли отрѣшиться отъ своего уваженія къ такъ называемымъ загадочнымъ, демоническимъ натурамъ, боязливое уваженіе къ которымъ происходитъ изъ невѣденія того, какъ они поступать по отношенію къ намъ, изъ ожиданія отъ нихъ и добраго и вмѣстѣ прямо неблагопріятнаго. Но въ той же области естественныхъ религіозныхъ явленій мы встрѣчаемся съ фактами, которые показываютъ, что разбираемое опредѣленіе основы религіознаго чувства чувствомъ величія является практически цѣлесообразнымъ. Разумѣю тѣ случаи,

гдѣ предметъ почтенія настолько отдалялся отъ человѣческаго познанія, что запрещалось произносить и знать даже его имя; и это указываетъ намъ на ту, быть можетъ и доселѣ живущую, слабость людей, по которой что они знаютъ, уваженіе къ тому болѣе и болѣе утрачиваютъ. Въ виду этой слабости самая крѣпость, живучесть чувства почтенія, правда только непосредственнаго, требуетъ, чтобы первымъ опредѣленіемъ высшаго существа было то, по которому оно есть непреходимая граница для человѣческаго познанія. За симъ и по существу дѣла Богъ непознаваемъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы познаемъ вещи—получая чрезъ это не просто лишь ясное понятіе о нихъ, но и положительную возможность измѣнять ихъ сообразно со своими цѣлями или со своимъ представленіемъ о гораздо болѣе правильномъ образѣ ихъ существованія, чѣмъ въ какомъ видѣ они являются сами по себѣ. Наконецъ мы знаемъ, во что до сихъ поръ разрѣшались человѣческія попытки достигнуть исключительно-теоретическаго познанія о Богѣ путемъ логическаго разума. Знаемъ опять, что также безуспѣшнымъ оказался и путь разума мистическаго, который требовалъ, чтобы человѣкъ отвлекъ отъ своей души все конечное и случайное, упростился до безусловнаго единства, и въ этомъ состояніи онъ будто лицомъ къ лицу можетъ созерцать „Единое“. Все это такъ. Но при этомъ мы помнимъ еще и то, что сказалъ Христосъ Спаситель о чистыхъ сердцахъ. Какъ бы въ противоположность сейчасъ упомянутымъ теософамъ Онъ заповѣдывалъ человечеству отвлекать отъ себя конечное и случайное не умомъ въ представленіи, а волею—такъ, чтобы мы заботливо искореняли въ себѣ все худое, подвизались въ нравственномъ самообразованіи, достигали утраченной чрезъ грѣхопаденіе чистоты невинности; и прямо обѣтовалъ исполнившимъ эту заповѣдь то высокое блаженство, что ихъ внутреннее отпечатлѣетъ на себѣ образъ Непзреченнаго. Такъ какъ это есть слово Богочеловѣка и такъ какъ такая богопознаваемость непременинѣе требуетъ отъ человѣка высочайшаго нравственнаго развитія; поэтому весьма умістно полагать, что чувство

величія, входя въ составъ религіознаго чувства, должно имѣть иную постановку, чѣмъ та, при которой оно говорило именно о полной непостижимости предмета почтенія.

Другимъ опредѣлителемъ, не встрѣчающимся лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, является чувство человѣческой зависимости отъ высшаго Существа, по которому Оно представляется какъ Владыка, Промыслитель, а также и Творецъ. Совершенно безспорно, что не было и можетъ быть нѣтъ ни одного человѣка, который бы не прожилъ въ своей жизни такихъ моментовъ, когда не логикой одною, а всей душой онъ признавалъ необходимость бытія Божія по этому именно пункту. Совершенно безспорно, что наиболѣе живыя связи человѣка съ Богомъ, насколько они могутъ возникать по (относительному хотя) почину самаго человѣка, возникаютъ именно по этому пункту. Совершенно безспорно наконецъ, что, если бы идея Бога вытекала, выводилась изъ какихъ либо другихъ пунктовъ; все равно высшее Существо въ умѣ человѣка носило бы тѣ опредѣленія, какія даются поставленнымъ для обсужденія пунктомъ. Дѣло только въ томъ, что онъ оказывается опаснымъ въ практическомъ отношеніи, ибо подъ вліяніемъ постоянныхъ нуждъ человѣка обыкновенно разрѣшается не въ сознаніе, а въ упованіе — въ основу, которая открываетъ человѣку не возможность выработать болѣе или менѣе опредѣлительныя представленія о Всемогущемъ, а возможность ожидать отъ Него разныхъ щедротъ для своего личнаго благополучія. Этого мало. Многочисленные опыты не съ одинаковой лишь рѣзкостію свидѣтельствуютъ о томъ, что при образованіи идеи Бога изъ чувства зависимости эгоизмъ получаетъ въ человѣкѣ твердыя права господственно опредѣлять и самый Предметъ почтенія — который то признается, то (какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ лапландца) отрицается *судя по тому*, получаетъ или не получаетъ отъ Него человѣкъ ожидаемыя личныя земныя блага. Чувство зависимости есть несомнѣнный и законный элементъ религіознаго чувства. Но въ виду обычныхъ отношеній къ нему людей, а также и по существу дѣла надо сказать, что дѣйствительно

становится онъ элементомъ религіознаго чувства лишь въ томъ случаѣ, когда онъ есть та правдивость, по которой человѣкъ, успѣвши отыскать всѣ средства для самообезпеченія своими собственными силами, не смотря на это готовъ признать, что все-таки онъ есть первое звено въ ряду лишь сотвореннаго, а не сущаго.

Не будетъ ли наиболѣе правильнымъ въ настоящемъ важномъ вопросѣ выходить изъ того предположенія, которое прямо подсказывается самой субъективной основой религіознаго чувства — чувствомъ почтенія? Т. е.: если высшее Существо есть, то какъ Высшее Оно должно сказываться разуму не иначе, какъ изъ того что есть высшаго въ мірѣ конечномъ. А что здѣсь высшее — что выше человѣческаго духа? Итакъ мы должны искать идею Бога въ запросахъ и потребностяхъ человѣческаго духа. Прибавлю: не стихійнаго или непосредственнаго, а духа образованнаго. Нѣтъ нужды разъяснять, что, еслибы исходнымъ пунктомъ мы взяли потребности духа непосредственнаго, тогда у насъ вышла бы необходимость инаго высшаго бытія, но это иное высшее бытіе было бы тѣмъ же самымъ человѣческимъ духомъ, только образованнымъ. Всякій согласится, что послѣдній выше перваго, а поэтому значить именно онъ и есть то самое высшее въ мірѣ конечномъ, изъ чего по предположенію должна выводиться идея Бога.

Вытекаетъ ли отсюда, и если вытекаетъ, то какимъ образомъ необходимость Безначальнаго? Прежде всего вытекаетъ отрицательно. Въ настоящее время человѣческій духъ не достигъ еще полной образованности. Но если бы мы предположили въ немъ всю ту грандіозность, на какую онъ можетъ и вправѣ разчитывать въ будущемъ, какую только мы можемъ представить теперь; мы все-таки имѣемъ основанія ожидать отъ него согласія по слѣдующимъ пунктамъ. Во 1-хъ, онъ несомнѣннѣ матеріальному міру, по всѣмъ сказаніямъ возникшему раньше его; и долженъ признать, что гипотеза такъ называемаго „монизма“ не устраняетъ вытекающей отсюда дилеммы: или его на самомъ дѣлѣ нѣтъ — есть и дѣйствительно одна только первоприсшедшая матерія, или есть Духъ,

который силенъ былъ предшествовать и матеріи. Во 2-хъ, онъ ограниченъ — рамками тѣлесности, освободиться отъ которой не имѣетъ средствъ въ самомъ безконечно отдаленномъ будущемъ. Въ 3-хъ, онъ есть носитель и совершитель высокихъ грандіозныхъ дѣлъ; но долженъ признать, что не одно только религіозное дѣло, а и всѣ другія по ясному свидѣтельству исторіи были не созданы имъ при всѣхъ безспорныхъ задаткахъ къ этому, а вошли и развились ему извнѣ, были приняты имъ благодаря давленію внѣшняго. Въ 4-хъ въ будущемъ онъ несомнѣнно можетъ достигнуть высокой чистоты и полного господства въ человѣкѣ; но и тогда онъ всетаки долженъ будетъ признать, что въ прошедшемъ его — его же есть цѣлый періодъ темный — рѣшительнаго подданства тѣлу и стихійнымъ страстямъ. Въ виду всего этого по чувству правды онъ долженъ признать, что имъ не можетъ завершаться существующее, что есть Духъ, предъ которымъ древность матеріи есть яко день единъ, который есть чистый духъ, обладаетъ полнымъ самовидѣніемъ и свободою, есть наконецъ вѣчно совершенный.

Для того чтобы показать, какъ изъ потребностей образованнаго духа идея Бога вытекаетъ положительно; мы, должны напередъ опредѣлить то различіе, какое есть между непосредственнымъ и образованнымъ человѣческимъ духомъ. Повидимому особенность перваго заключается въ томъ, что здѣсь непосредственныя чувства прямо вліяютъ на дѣйствующую волю и безъ всякаго иного вмѣшательства управляютъ ею. Теперь, совершенно справедливо, что изъ массы свойственныхъ человѣку чувствъ во всякое данное время успѣшно заправляютъ его волею собственно тѣ, которыя поддерживаются окружающимъ человѣка внѣшнимъ. Стало быть, подчиняясь въ своемъ дѣйствованіи чувствамъ, онъ на повѣрку подчиняется собственно внѣшнему, которое придаетъ силу его чувствамъ. Отсюда возникаетъ первая необходимость образованнаго духа, и сказывается она сначала въ видѣ той общей задачи: что нужно порвать естественную связь между чувствомъ и волей, нужно, чтобы между тѣмъ и другой стоялъ интеллектъ, который бы такъ или

иначе не давалъ вѣшнему держать человѣка въ прежнемъ полномъ подчиненіи. Стараясь выполнить эту задачу, человѣкъ можетъ прибѣгнуть къ примитивному средству, сущность котораго хорошо выражается въ тѣхъ случаяхъ, когда, слушая другаго и зная что онъ говоритъ, мы все-таки переспрашиваемъ его, дабы такъ обр. выиграть время и обсудить, возможно ли отвѣтить ему какъ подсказывается непосредственными чувствами. Какъ бы тамъ ни было, только дѣйствительную свободу человѣкъ получаетъ въ томъ лишь случаѣ, когда почину вѣшняго, которое стремится управлять имъ чрезъ чувства, онъ противопоставитъ равносильный починъ своего внутренняго. Это же возможно въ томъ случаѣ, когда онъ признастъ всѣ свои душевныя свойства и будетъ стараться уладить ихъ въ себѣ такъ, чтобы они сложились въ одно цѣлое—въ опредѣленную личность и выразились въ извѣстномъ положительномъ стремленіи. Такъ онъ и дѣлаетъ, и не только сознательно, но и чаще инстинктивно—не догадываясь ни о томъ что онъ дѣлаетъ, ни о томъ что у него вышло. Наблюденіе показываетъ однако при этомъ, что собираетъ онъ себя не всего, что высшимъ своимъ чувствамъ онъ или не даетъ правильнаго мѣста, или не даетъ его вовсе. Отсюда дѣйствительная особенность образованнаго духа заключается въ свободѣ его отъ эгоизма—отъ неполной или ненадлежащей самособранности. Теперь, какимъ образомъ достигается такая свобода въ области прогрессивнаго развитія человѣка, что она достигается именно чрезъ сообразованіе съ нравственнымъ закономъ—это признается всѣми. Мало того—здесь въ большинствѣ случаевъ, и даже такими умами, которые не нашли ни одного теоретическаго доказательства бытія Божія основательнымъ, необходимость этого бытія, какъ необходимой основы для нравственности, признается безспорно и охотно. А если нѣкоторые удерживаютъ нравственное какъ законъ, но не усматриваютъ какой либо необходимости обосновывать его религіознымъ; то, предполагая въ нихъ надлежащую степень дальновидности, мы должны сказать, что дѣлается ими это такъ сказать въ диплома-

тических видахъ — по вниманію къ тому, что при настоящемъ отношеніи большинства къ религіозному оно не можетъ давать опоры нравственному; и дѣлается это опять въ полномъ убѣжденіи, что нравственное въ людяхъ само обьоспуетъ себя религіознымъ — съ естественной необходимостію разрѣшится въ богопознаніе. Так. обр. весь вопросъ въ томъ: предполагается ли идея Бога потребностями образованнаго духа, *какъ знанія*. Обязательство освобожденія отъ эгоизма для него стоитъ твердо и въ этомъ отношеніи: поскольку безспорно, что до сихъ поръ оно является исключительно прикладнымъ—выробатываетъ знанія и понятія для того, чтобы сейчасъ же обратить ихъ въ методы для человѣческаго обезпеченія. Знаніе свободно отъ эгоизма въ томъ случаѣ, когда оно становится чисто изслѣдовательнымъ, безкорыстно—экзегетическимъ. Но такимъ по праву оно можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ имѣть опору и основаніе для этого не въ своихъ только вѣусахъ, а въ предметѣ—въ бытіи, когда т. е. въ послѣднемъ оно найдетъ такое бытіе, по отношенію къ которому въ виду его неизмѣняемости силами человѣческаго искусства другой задачи, кромя чистаго и безкорыстнаго объясненія, не можетъ быть. Въ видимомъ, постигаемомъ вѣшними чувствами такого неизмѣняемаго бытія нѣтъ. Что касается до такъ называемой сущности вещей, то я бы позволилъ себѣ полагать, что, когда мы говоримъ о сущности вещей, то этимъ высказываемъ совѣмъ—совѣмъ не то, будто бы на самомъ дѣлѣ есть какая то реальная матеріальная основа вещей отличная и отдѣльная отъ того чѣмъ они являются, а то, что для нашей разумно дѣйствующей воли вопросъ о видимой являемости вещей долженъ быть отдѣленъ отъ вопроса о существованіи ихъ, такъ какъ мы можемъ и должны эту являемость ихъ измѣнить улучшить, словомъ хаосъ превратить въ космосъ. Отсюда, желая быть безкорыстнымъ и не находя для этого указанной объективной подпоры въ бытіи видимомъ, духъ какъ знаніе приходитъ къ заключенію, что существуетъ еще Бытіе, которое есть неизмѣняемая первооснова существующаго. Идея Бога

есть необходимое предположеніе духа какъ знанія, если онъ хочетъ быть образованнымъ — свободнымъ отъ эгоизма—экзегетическимъ. А что въ такомъ случаѣ прикладныя задачи для знанія хотя не исчезаютъ, однако цѣлями переработки, дѣятельнаго измѣненія вещей усиліями человѣческаго искусства будетъ уже не благополучіе человѣка, но самыя вещи — доведеніе ихъ до свойственнаго имъ идеальнаго состоянія; это надѣюсь понятно само собою.

Вѣруя так. обр. не только въ субъективную цѣнность, но и въ дѣйствительную предметность рел. интереса, мы поэтому должны только изучить внѣшнія и внутреннія условія, въ которыхъ стоитъ дидактическое образованіе его въ настоящее время. О внѣшнихъ условіяхъ сказано въ книгѣ все что я могъ сказать объ этомъ при своихъ средствахъ. Господствующее дѣловое настроеніе находится въ рѣшительно враждебномъ отношеніи ко всему догматическому. Враждебно оно и чистой нравственности — которая требуетъ, чтобы правая дѣятельность человѣка вытекала не изъ расчетовъ пользы, а изъ чистыхъ внутреннихъ расположеній духа. Но по крайней мѣрѣ въ послѣднемъ случаѣ враждебность его является по недоразумѣнію — потому, что оно еще не успѣло выяснить само себя. Слѣдов. существеннаго разлада съ нимъ не выйдетъ, если въ рел. обученіи мы попреимуществу сосредоточимся на нравственномъ. А такъ какъ сосредоточиться на этомъ требуетъ не одна лишь злоба дня, но само религіозное дѣло, которое въ историческомъ своемъ развитіи перешло на третій фазисъ съ запросомъ моральнаго освоенія въ христіанствѣ, какъ характернымъ своимъ подлежащимъ; такъ какъ съ другой стороны нравственное освоеніе не исключаетъ богопознанія, но естественно разрѣшается въ своеобразный путь къ нему, притомъ путь настоятельно необходимый въ виду безуспѣшности испытанныхъ путей; поэтому обращеніе религіозной дисциплины въ дисциплину попреимуществу нравственную является не только прагматически неизбѣжнымъ, но и вполне законнымъ. Все это вѣроятно справедливо. Но въ на-

стоящемъ-то отъ этого нисколько не меньше рел. обученіе, хотя бы и преобразованное, встрѣчаетъ весьма неблагопріятное отношеніе къ себѣ со стороны невыяснивагося господствующаго дѣловаго настроенія. Почти такое же отношеніе къ себѣ оно встрѣчаетъ и внутри питомца—въ естественной исторіи живущаго въ немъ рел. интереса. Близость послѣдняго человѣку-дитяти не оставляетъ желать ничего лучшаго. Но съ поворотомъ къ юношескому возрасту замѣчается уже не то и дѣйствующей причиной является здѣсь не одно лишь отрицаніе всего что принималось въ предшествующемъ періодѣ, каковое отрицаніе мы встрѣчаемъ при переходѣ человѣка на каждую слѣдующую эпоху своего возраста, и объясняемъ инстинктивнымъ стремленіемъ всецѣло отдаться выработкѣ всего что въ принципѣ свойственно періоду, въ который человѣкъ только-что перешелъ. Заявившійся половой инстинктъ, увлекаая человѣка возможностью быть и считать себя зрѣлымъ мужчиною, рождаетъ въ немъ ту бездонную необузданную гордость, по которой онъ рѣшительно не хочетъ признавать никого сильнѣй и выше себя. Чувство почтенія въ немъ живетъ по прежнему, но обращается оно или на женщину, или на себя, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, на идею, которую опять весьма легко протолековать въ смыслѣ самообоготворенія. Въ возрастѣ мужескомъ горделивость отходитъ правда въ сторону. Но стремленіе къ результатной дѣловитости 1) требуетъ, чтобы человѣкъ все за что взялся дѣлалъ исключительно своими собственными средствами, и память о промыслѣ конечной Причины сказывается или какъ лѣньность, или какъ обидное сознаніе собственной несостоятельности. Во 2-хъ это стремленіе прямо требуетъ отчетливо представлять всѣ частныя подробности и дѣйствительныя условія избраннаго дѣла, и тѣмъ приучаетъ къ чувственной представимости, по которой человѣкъ теряетъ почти всякую способность считать за существующее то чего нельзя чувственно представить. И только уже послѣ того, какъ человѣкъ натоленется на тысячи опытовъ, свидѣтельствующихъ о его безсиліи—о томъ, что при всѣхъ средствахъ своего искусства и

сообразительности онъ не можетъ навѣрное обезпечить ни одного шага своего благополучія; послѣ этого онъ изъ дальновидности допускаетъ мысль о высшемъ существѣ. А очевидно-скорое приближеніе къ старости производитъ то, что мысль эта согрѣвается и получаетъ теплоту живаго чувства.

Въ виду разъясненныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ вопросъ о средствахъ къ успѣшному образованію религіознаго интереса становится особенно серьезнымъ. Если я не ошибаюсь—указывая на половой инстинктъ, какъ на самую рѣшительную причину замѣченнаго поворота естественной исторіи рел. интереса въ неблагопріятную сторону; то предъ нами само собою выступаетъ въ качествѣ правда не прамого, но цѣннаго средства во 1-хъ облагораживающее, одухотворяющее дѣйствіе всего въ цѣломъ обученія, во 2-хъ та дисциплина, которая не пройдена безъ вниманія въ моей книгѣ, и которая заключается въ стремленіи учителя приучать ученика къ самонаблюденію и сообразовыванію своей воли съ нормами духовной жизни, которымъ теоретически онъ уже вполне сочувствуетъ. Говоря однако о возвышающемъ дѣйствіи всего обученія, не могу упустить изъ виду рѣзкаго разлада, который живетъ въ немъ и доселѣ. Та часть обученія, которая имѣетъ цѣлію образовать интересъ любознательности „эмпирической“ (къ отдѣльнымъ предметамъ внѣшняго міра) поставлена такимъ образомъ, что подрываетъ насаждаемое обученіемъ религіознымъ. Обратимъ по сему вниманіе на то, что въ дѣтяхъ интересъ эмпирической имѣетъ для себя безспорно двѣ основы; что та основа, по которой существующимъ оказывается лишь то что чувственно-представимо, есть поздняя и нажитая, первичная же и вмѣстѣ болѣе плодотворная есть та, по которой ученикъ существующимъ считаетъ то что должно существовать судя по запросамъ духовной его природы. Отсюда, если бы въ наглядномъ обученіи мы сумѣли найти умѣстную (и намъ повидимому представляющуюся) возможность первоосвоить въ означенномъ интересѣ по *первичной* его основѣ; то указанный разладъ былъ бы сведенъ до послѣдняго минимума. — За сямъ что

касается до прямыхъ матеріальныхъ средствъ; то такимъ судя по всему является св. исторія (не ограничиваемая библейскою). За нею право современности, такъ какъ дидактическая популярность ея постепенно все болѣе и болѣе увеличивалась и къ настоящему времени дошла до такого предѣла, далѣе котораго идти уже некуда. Въ первомъ періодѣ послѣхристовой исторіи рел. дѣла она доказала фактически, что успѣшно можетъ освоить въ религіи. Она даетъ возможность ученику какъ бы прожить всю предшествующую жизнь рел. дѣла на землѣ, и выпускло представляетъ современную задачу, которую предъявляетъ людямъ это дѣло. Она даетъ полную возможность, исходя изъ живыхъ примѣровъ углубить ученика въ нравственное самонаблюденіе. Наконецъ она не только увлекаетъ; но и въ состояніи живо сообщить отвлеченныя христіанскія вѣрованія. Так. обр. кажется можно положить за вѣрное, что съ точки зрѣнія средствъ вопросъ объ образованіи рел. интереса сводится къ вопросу о св. исторической дисциплинѣ. И представляя себѣ дѣло въ такомъ смыслѣ, занявшись поэтому специально означенной дисциплиной, я въ концѣ концовъ пришелъ къ тому, что правильное веденіе рел. обученія требуетъ употребленія всѣхъ 4-хъ типическихъ формъ, какія дисциплина успѣла нажить въ своей исторіи; и въ той послѣдовательности, а также и въ той постановкѣ, какія указаны въ „положеніяхъ“. Само собою, что на ближайшее практическое осуществленіе у насъ планъ этотъ рассчитывать не можетъ, не можетъ повидимому даже и при той уступкѣ, какая противъ желаній сдѣлана и въ книгѣ, и въ положеніяхъ. Но практическій результатъ, на который я рассчитывалъ и осмѣливаюсь рассчитывать, заключается собственно въ томъ, чтобы дать законоучителю возможно полное и точное знакомство съ своими предметомъ.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что книга моя не рассчитываетъ на непосредственное впечатлѣніе. Она рассчитана на такихъ лишь читателей, которымъ она прямо близка по предмету ихъ занятій, которыя потому будутъ готовы почитать ее не бѣглымъ или

безучастнымъ вниманіемъ, и заинтересованы болѣе всего въ полномъ объемѣ ея содержанія. Отсюда языкъ ея есть языкъ контрактовъ—гдѣ о гладкости изложенія не заботятся. Но кромѣ этого въ ней есть выраженія неясныя, неправильныя и т. д. Ихъ было бы больше, если бы въ этомъ отношеніи не оказала мнѣ доброй помощи о. ректоръ и проф. академіи, протоіерей І. Л. Янышевъ, которому считаю долгомъ принести искреннюю благодарность. Вмѣстѣ съ этимъ я обязанъ благодарностію и профессору акад. И. Т. Осипину, который, не смотря на свои многосложныя труды и краткій срокъ, не отказался составить требуемый закономъ письменный отзывъ о моей диссертациі.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки